

А. 2006
76624

КАРЛЫГАШ НУГМАНОВА

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ, ИНФОРМАЦИИ
И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**Казахский научно-исследовательский институт
культуры и искусствоведения**

К.Ж. Нугманова

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Алматы, 2003

ББК 66.2 (2К)

Н 87

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Казахского научно-исследовательского института культуры и искусствознания

Рецензент:

1. Борбасов С.М.

доктор политических наук,
профессор

2. Шалабаева Г.К.

доктор философских наук,
член-корреспондент

Академии социальных наук

3. Кушербаев К.Е.

доктор политических наук

Н 87

Нугманова К.Ж.

Политическое измерение гражданского общества: Монография. - Алматы, 2003. - 278 с.

ISBN 9965-25-144-4

ББК 66.2 (2К)

В монографии анализируются перспективы формирования казахстанского гражданского общества.

Автор, сохраняя плюрализм взглядов на исследуемую проблему, освещает исторические предпосылки и природу гражданского общества, его "феномены", стратегия построения гражданского общества анализируется в контексте современных казахстанских проблем.

Издание рассчитано на представителей общественных и политических движений, людей науки, труда, деловых кругов, всех граждан нового Казахстана.

Н 0803010000

00 (05) 03

ISBN 9965-25-144-4

© КазНИИКИ, 2003

© Нугманова К.Ж., 2003

*Политика –
опытная наука,
которая
разъясняет
прошлое,
руководит
настоящим и
способна
прогнозировать
будущее.*

*Макиавелли.
“Государь”*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В последнее время в нашей стране, да и во всем мире, заметно оживился интерес к проблематике гражданского общества. Значимость обращения к теме предпосылок, перспектив гражданского общества в Казахстане обусловлена отличительными характеристиками отечественного порядка.

Концепт, выработанный в условиях становления западной цивилизации, применительно к казахстанским условиям осмысливается по-иному. Анализ трансформационных преобразований Казахстана в начале XXI века вскрывает оригинальную проекцию “гражданского общества” на отечественный социум, требует осмысления таких ценностей, как демократия, гражданские свободы, толерантность, согласие, плюрализм, справедливость.

Важность идей гражданского общества осознается не только в смысле улучшения функционирования всех общественных институтов, но, в первую очередь, в смысле актуализации базовых гуманистических ценностей. Каждому типу общества соответствует своя, уникальная во времени и пространстве, порожденная самим же обществом система ценностей, являющаяся важнейшим компонентом человеческой культуры. Современный этап в общественном развитии Казахстана характеризуется глубинными изменениями ценностных систем, затрагивающих все уровни общественного бытия, все многообразие политических и культурных процессов в стране.

Процесс трансформации системы ценностей в Казахстане обладает своими специфическими особенностями, которые необходимо учитывать при разработке программ и проектов преодоления негативных тенденций.

Однако многие современные процессы в политической жизни Казахстана оказываются тесно связанными с мировыми тенденциями, поэтому не могут не учитывать опыт других стран по построению системы институтов гражданского общества, развития демократии, расширения прав и свобод личности. Так,

проблема формирования гражданского общества становится особенно актуальной в условиях современного казахстанского общества.

Опыт десятков стран мира убедительно свидетельствует о том, что надежные гарантии прав и свобод человека можно создать только обоюдными условиями демократического правового государства и развитого гражданского общества.

Будучи сферой автономной, творческой самореализации индивидов, гражданское общество в своих взаимоотношениях с государством способно прибегать к использованию различных стратегий от жесткой конфронтации до прагматичного партнерства. Однако во всех случаях оно стремится заставить государство быть максимально полезным своим гражданам, ответственно служить их интересам. Чем более зрелым становится гражданское общество, тем успешнее оно решает эту непростую задачу. Именно в этом смысле принято говорить о гражданском обществе как фундаменте демократического правового государства.

Однако гражданское общество – это феномен исторический. Прежде чем достичь своих развитых форм и добиться серьезных успехов в деле обеспечения гарантий прав и свобод людей, оно прошло долгий и непростой путь. Это был путь постепенного “отвоевывания” им у некогда всемогущего государства определенного социального пространства, в пределах которого могла бы беспрепятственно реализовываться человеческая инициатива. Всякий, даже самый незначительный успех на этом пути знаменовал собой расширение такого пространства. Каждая историческая эпоха задает предельные масштабы этого пространства человеческой свободы, формулирует свой идеал гражданского общества и создает соответствующие предпосылки для его практической реализации. Поэтому мы вправе говорить не только о разнообразии его исторических форм, но и о различной степени практического воплощения каждой из них в той или иной стране.

Проблематика гражданского общества особую актуальность имеет в посткоммунистических странах, которые в силу целого

ряда причин вынуждены в исторически короткие сроки осуществлять беспрецедентные по своим масштабам социальные преобразования. К числу таких стран принадлежит и Казахстан. Не имея в своей истории сколько-нибудь продолжительного опыта жизни в условиях политической демократии, устойчивых традиций гражданского участия, Казахстан сталкивается сегодня с большими трудностями в деле формирования гражданского общества.

Практика последнего десятилетия показала бесперспективность механического заимствования и перенесения на казахстанскую почву многих социальных институтов и практик, хорошо зарекомендовавших себя в других странах. Попадая в непривычный для себя социокультурный контекст, эти институты и практики демонстрируют весьма низкую эффективность, а нередко дают результаты, обратные ожидаемым. Этот вывод в полной мере относится и к попыткам построить в Казахстане гражданское общество по “лекалам” развитых стран.

Опыт стран вторичной модернизации показывает: “эталонных” форм гражданского общества не существует, необходимо искать синтез чужого опыта и собственной традиции. Весьма распространенное в казахстанских политических и научных кругах мнение о якобы несовместимости отечественной социокультурной матрицы с идеалами и практиками гражданского общества выглядит недостаточно обоснованным. И дело не только в том, что служит теоретическим обоснованием для двух также весьма не бесспорных выводов: либо в Казахстане в принципе невозможно построить гражданское общество, либо все-таки можно, но исключительно по “лекалам” развитых стран. Вот почему столь важно не только проанализировать опыт в строительстве гражданского общества, накопленный как развитыми, так и развивающимися странами, но и рассмотреть перипетии его становления и функционирования на различных этапах казахстанской истории. И то, и другое позволят реалистичнее оценить не только актуальное состояние гражданского общества в современном Казахстане, но и его дальнейшие перспективы.

На различных этапах советской истории степень “поглощенности” гражданского общества государством была неодинаковой. Наибольшие потери гражданское общество понесло в период “военного коммунизма” и “сталинизма”, в периоды же “НЭПа”, “хрущевской оттепели”, “брежневского “застоя” и особенно горбачевской “перестройки” происходило его заметное оживление. Это было связано, прежде всего, с политическими факторами, со стремлением государства в одних случаях полностью подчинить себе общество, в других – предоставить ему определенную автономию в тех областях жизни, которые не представляли прямой угрозы правящему режиму. Как бы то ни было, любая, даже весьма ограниченная либерализация режима неизменно оборачивалась актуализацией потенциала политически “заблокированного” гражданского общества. Такой пульсирующий характер взаимоотношений между государством и гражданским обществом свидетельствует о том, что даже в самых политически неблагоприятных условиях гражданское общество сумело сохранить немалый потенциал автономности. Причем важную роль в этом сыграли официальные советские общественные организации, немало сделавшие для выражения и защиты интересов людей, для развития в них подлинно гражданских качеств.

Утверждение о якобы полном отсутствии в советский период альтернативных государству общественных институтов, как правило, основывается на том, что под этими институтами понимаются аналоги гражданских структур, существующих в развитых странах Запада. При этом не принимается во внимание тот факт, что даже официальные советские общественные организации выполняли некоторые важные функции, аналогичные тем, которые выполняют “нормальные” институты гражданского общества. Кроме того, в СССР существовали неофициальные институты, которые мы вправе рассматривать как структуры гражданского общества (например, клиентелистские связи, культура андеграунда, различные неинституционализованные образования наподобие “дружеского круга” или соседских “комьюнити”) создавшие неподконтрольное государству социальное партнерство.

Эти институты, конечно, не были полностью автономными, однако представляли собой структуры именно гражданского общества, которые возникали не в связи с деятельностью государства, а помимо него, в неподконтрольном ему пространстве. В рамках этих структур реализовывались не только потребность в неформальном общении, но и стремления к неподконтрольным властям совместным действиям. В большинстве своем эти ассоциации были неформальными, действовали в виде своеобразного “клуба по интересам”, а отношения между его членами строились на принципах взаимного доверия и взаимопомощи. Подобные ассоциации и культивируемые ими ценности и практики составляли как бы параллельное, официально существовавшему обществу — общество, которое сумело сохранить в себе немалый потенциал самодеятельности и гражданственности. Именно этот потенциал и был в значительной степени востребован в период перестройки и постперестройки.

Осуществление политической трансформации явилось жестким императивом для всех посткоммунистических стран. Особенное внимание обращается на важную роль в этом процессе постсоветской элиты, ментальные и поведенческие установки которой оказали негативное воздействие на характер новых политических и гражданских институтов. В результате политической трансформации в Казахстане возникла система власти, формально соответствующая критериям электоральной демократии, но фактически неподконтрольная обществу. Институционализации именно такой системы власти во многом способствовала стратегия экономических реформ.

Результатом экономических реформ стали колоссальная имущественная поляризация населения и фактическое разрушение прежней (государственной) системы социального обеспечения. В рамках возникшей в результате трансформации политической системы пока так и не сложились эффективные каналы взаимодействия между государством и обществом, что крайне негативно сказывается на перспективах институционализации гражданского

общества. Политические и правовые предпосылки активизации гражданской активности во многом блокируются и не реализуются вследствие тяжелого экономического положения казахстанцев.

За годы реформ в стране так и не был создан массовый слой среднего бизнеса, и это несмотря на то, что именно эту задачу авторы реформ рассматривали как приоритетную, необходимостью ее скорейшего решения оправдывали форсирование темпов приватизации и часто сомнительные методы в ее проведении. Однако преднамеренно или по неосведомленности из состава среднего класса исключались те слои населения, которые в развитых странах принято называть “новыми средними”. Вместо этого ставка была сделана на “старые” средние слои, объединяющие мелких и средних частных собственников. Однако даже, несмотря на декларированную властями решимость всемерно содействовать скорейшему становлению в Казахстане многочисленного слоя мелких и средних предпринимателей, его положение трудно назвать благополучным.

В результате политической трансформации последнего десятилетия в Казахстане сложился режим “делегативной демократии”, для которого характерно глубокое противоречие между официально декларированными принципами и реально существующим порядком. Однако, несмотря на формальный во многом характер казахстанской демократии, это именно демократический политический режим, несмотря на бросающееся в глаза несовершенство его институтов и механизмов. Вряд ли есть серьезные основания говорить о завершенности политической трансформации в Казахстане и о невозможности дальнейшей демократизации сложившегося политического режима, его перехода к стадии консолидации. Подтверждением подобного предположения могут служить реальные процессы последних нескольких лет. В стране заметно стабилизировалась внутривластная обстановка, стали налаживаться конструктивные отношения между ветвями власти. В направлении политической стабилизации действуют и относительное спокойствие в обществе, и приобретенный за

предшествующие годы опыт разочарований, научивший людей не ждать от власти слишком многого. Важнейшими задачами нового этапа политической трансформации казахстанского общества являются:

1. деbüroкратизация и демонополизация экономики, реформа доходов населения;
2. реальная борьба с коррупцией и устойчивый экономический рост;
3. выстраивание цивилизованной системы социально-трудовых отношений;
4. идейно-политическая консолидация общества;
5. помощь государства в становлении полноценного сектора неправительственных организаций.

Можно отметить, что в результате политической трансформации в республике сложились несовершенные, не всегда эффективно действующие, но все же содержащие в себе определенные функционально конструктивные элементы, экономические предпосылки гражданского общества: реальностью стало многообразие форм собственности, возник и имеет немалый потенциал роста частный сектор экономики; появился реальный выбор товаров и услуг; результатом трансформации экономической системы стало формирование новой системы социально-трудовых отношений. Либерализация экономики во многом способствовала появлению нового типа экономического поведения, чертами которого являются рационализм, инициативность, предприимчивость, стремление к коллективным действиям во имя защиты групповых интересов.

Важным результатом политической трансформации стало появление в республике политических предпосылок гражданского общества: реальностью стали политический и идеологический плюрализм; свобода мысли и слова, свобода деятельности общественных объединений и т.д. За короткий срок в республике возникли тысячи общественных самодетельных объединений, профсоюзы, религиозные, экологические, женские, правозащит-

ные организации. Очевидно, что ценности гражданского общества постепенно проникают в самую ткань социума и способствуют его обновлению. Такие конституционные принципы и механизмы, как разделение властей, выборы, лоббизм, социальное партнерство, корпоративизм открывают немалые возможности для отстаивания гражданами и различными “заинтересованными группами” своих интересов. И хотя механизмы эти пока несовершенны, все же они объективно способствуют росту заинтересованности институтов гражданского общества в проявлении большей социальной активности.

За прошедший период в Казахстане сформировалось активное меньшинство, последовательно руководствующееся принципами и ценностями гражданского общества и реализующее их в своем практическом поведении. Влияние этого меньшинства на общество трудно переоценить; благодаря активности этих людей происходят не всегда заметные, но весьма значимые изменения в общественном сознании и поведении. И если многие казахстанцы пока достаточно инертны и пассивны, они в то же время связывают свои надежды на лучшую жизнь не с возвратом в тоталитарное прошлое, а с продвижением к идеалам и практике демократии и гражданского общества.

В своем “Послании парламенту и народу Казахстана” в октябре 1998 года Президент РК Н.А. Назарбаев прямо заявил, что вопреки давлению определенных политических сил, толкавших на “завинчивание гаек”, на усиление авторитаризма, курс на демократизацию, на построение гражданского общества и правового государства остается неизменным [1].

Это заявление главы государства и конкретные меры, предложенные им для углубления демократии и построения гражданского общества имеют принципиально важное значение.

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПОНЯТИЯ “ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО”

1.1 Проблема формирования гражданского общества

Понятие гражданского общества относится к числу древних политических понятий. Возникнув с появлением гражданина как самостоятельного социального и политического актера, наделенного правами и обязанностями, понятие *civil society* менялось по содержанию и смыслу. Это было связано с изменением самого характера общностей, связанных организацией интересов.

Появление концепции гражданского общества напрямую связано с развитием античного полиса, типа общественного и государственного устройства, сложившегося в Древней Греции и Риме. Полисная организация опиралась на экономический и политический суверенитет общины свободных собственников и производителей, простиравшийся на всю полисную территорию. Этот суверенитет предполагал для каждого гражданина возможность, а часто и обязанность в той или иной форме – прежде всего в форме голосования в народном собрании – участвовать в решении государственных вопросов, в определении судеб своего полиса. Полис выступал как реальное единство политической структуры и совокупности граждан, способствующее развитию патриотизма, духа равноправия и сознательного исполнения законов.

Конкретные формы полисного устройства отличались большим разнообразием, связанным со стремлением к тому или иному типу организации власти. Это выразалось на практике в распределении власти между народным собранием граждан и существовавшим в полисе верховным советом, а также в способах формирования этого совета и функциях избираемых носителей верховной власти. Отношения между демократическими тенденциями и задачами эффективного управления делами полиса стимулировали развитие античной политической мысли. Само слово “политика” означало “участие в управлении полисом”, и очень рано стало относиться к сумме знаний, необходимых для компетентного решения данных вопросов.

К проблеме гражданского общества, надо полагать, первым подошел древнегреческий философ Платон. Он обосновал гипотезу о том, что между членами политически организованного общества, удовлетворение человеческих потребностей требует разделения труда, которое конкретизируется в виде деления населения на три сословия. Общество Платон структурировал по признаку дифференциации целого на группы занятых трудом для удовлетворения жизненно необходимых потребностей полиса. Таким образом, Платон выделяет сферу, впоследствии обозначившее как “гражданское общество” [2].

Гражданское общество как категория политики внесено в науку Аристотелем. Перед тем, как определить, что есть государство, замечает он, должно выяснить понятие о гражданине, ибо государство есть не что иное, как совокупность граждан, гражданское общество. Полис является общностью разнообразных людей; разделение их идет, прежде всего, по правам собственности, между гражданами возникают отношения обмена и другие. Эти отношения регулирует право. Не случайно в наилучшей, по Аристотелю, форме правления – политии – властвует закон. И именно Аристотель, рассматривая правление законов, а не людей, впервые выдвинул идею разделения властей, чтобы предотвратить тиранию тех, в чьих руках окажется власть. Истинное гражданство, а, следовательно, и составленное из граждан сообщество, существует только там, где верховная власть действует в интересах всеобщего блага. Только в политии и власть, и законы, обеспечивают счастливую жизнь для всего того сообщества, которое может быть названо сообществом граждан. Таким образом, согласно Аристотелю, говорить о гражданском обществе можно лишь с появлением гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного комплексом прав и свобод, и в то же время несущего перед обществом ответственность за свои действия [3].

В полной мере изложенное относится к республиканскому Риму, где под *Societas civilis* понималось не что иное, как ассо-

цияция полноправных граждан, проживающих в городе, который был для них *civitas nostra* – наш город.

В то же время “полис”, “*civitas*” – это понятия правового общества, но не государства. Все разновидности форм правления имели в виду не столько сохранение и обеспечение права, сколько сохранение стабильности полиса, гражданского сообщества. Полис выступает как единство политического и гражданского общества, в котором последнее контролировалось и модифицировалось по воле правовых институтов. И законы Драконта в республиканских Афинах, и законы двенадцати таблиц были адресованы гражданскому обществу, и никому другому. Это было право в собственном смысле, и притом – по римской терминологии – “строгое право”, нарушение которого каралось такими средствами, которые требовали той или иной формы государственности.

О взаимоотношениях гражданского общества античного полиса с его государственностью можно сказать, что в ряде принципиальных черт оно так или иначе отвечает даже современным требованиям, предъявляемым к правовому государству, отмечает З.М. Черниловский. Это такие черты правления права, как выборность и подотчетность магистратуры, сроки полномочий, разделение властей, свобода слова, передвижения внутри и за пределы полиса, невмешательство государства в имущественные отношения, равенство всех перед законом [4].

В рождении и становлении античного полиса выкристаллизовывались основные политические идеи, предопределившие весь последующий ход развития социально-политической мысли.

Это в полной мере относится и к идее гражданского общества. Именно в учениях мыслителей античного полиса сложились основные представления о несущих конструкциях гражданского общества: юридической свободе и равенстве граждан, о необходимости владения ими частной собственностью, о правлении права. Хотя государственность еще только закладывается, практика ставит на повестку дня вопрос о взаимоотношениях общества гражданского и общества политического, о степени вмешательства

второго в дела первого и о возможности поглощения нарождающимся Левиафаном сферы частных интересов.

Дальнейшее развитие идей гражданского общества связано со становлением городов-государств средневековой Италии, подхвативших эстафету у античного полиса. Основной проблемой наступившего времени является вопрос взаимоотношений между клерикальной и светской властями. Политические отношения, политическая власть являлись производными от права на землю и поэтому выступали в качестве частного права. Вместе с тем феодальный порядок рассматривался как выражение божьей воли, поэтому политико-правовые концепции коррелировались с более широкими философско-религиозными представлениями о вечности и неизбежности божественного порядка и могли срабатывать лишь как элемент этих представлений. Ослабление политической власти церкви и постепенная десакрализация социальной жизни приводили к тому, что начиналось отражение реальных социальных процессов в воззрениях мыслителей того времени. На первый план выходили идеи о политике, государстве, законах. Эти идеи были ориентированы на познание реального мира, осмысление человеческой практики, имеющегося политического опыта.

Крупнейший из политических мыслителей итальянского Возрождения Никколо Макиавелли кладет начало прагматической, опытной политической науке и одним из первых, если не первый доходит до адекватного видения исторического процесса. Гражданское общество представляется Макиавелли совокупностью противоречивых интересов: классовых, сословных, партийных. Он совершенно четко осознает, что разделение, раскол общества на “народ” и “знать” является предпосылкой государственной власти. “Знать желает угнетать, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается тroyко: либо единовластием, либо безначалием, либо свободой” [5]. То есть гражданское общество нуждается в организуемом начале – государстве. При этом демократия требует от народа должной этической основы – благородства, чести, отваги

во всем, что относится к защите собственного интереса и тем более республиканского строя – достойного сообщества свободных индивидов. Государство и государь появляются в силу объективных, а не божественных причин, в силу общественной необходимости и существуют, пока в них есть потребность.

Интересна мысль Макиавелли о том, что каждая форма правления соответствует определенным социальным условиям, зависит от расстановки классовых сил. “Желающий создать республику там, где имеется большое количество дворян, не сумеет осуществить свой замысел, не уничтожив предварительно всех до единого; желающий же создать монархию... там, где существует большое равенство, не сможет этого сделать, пока не выведет из указанного равенства значительное количество людей честолобивых и беспокойных, и не сделает их дворянами по существу” [6].

Таким образом, Макиавелли в своих политических произведениях поставил вопросы о качестве гражданского общества и влиянии этого качества на формы государственного устройства. Его же можно считать сторонником таких представлений, в которых существование гражданского общества зависело от наличия сильного государства. Противоположным подходом Макиавелли к античному гражданскому обществу выступают взгляды Гуго Гроция. Опираясь на концепцию естественных прав человека, Гроций выводит из нее идею общественного союза, способного действовать соответственно принципам морали и права; с общезнанием приходят как уверенность в самосохранении, так и обеспеченность неприкосновенности принадлежащей индивиду собственности. Государство возникает как необходимый институт, служащий гражданскому обществу, как “совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы” [7]. Заинтересованное в общей выгоде сообщество граждан не может обойтись ни без законов, ни без тех учреждений, которые придают им силу и значение. Однако выводы Гроция достаточно неожиданны – с возникновением государства суверенитет переходит к нему. “Но так как государство устанавливается

для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоинством, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей” [8].

Вопрос о субординации общества и государства Гроций решает в пользу последнего, что находится в явном противоречии как с исходными принципами учения самого Гроция о естественном праве и правовом характере внутригосударственных законов, так и с его концепцией договорного происхождения государства и гражданских установлений.

Обращаясь к Новому Времени, надо отметить следующий весьма важный момент. Формирование концепций того времени было связано с конфликтом нарождающегося гражданского общества и абсолютистского феодального государства, претендующего на неограниченное господство. Именно в Новое время государство и общество начинают исследоваться как явления, не совпадающие друг с другом. Государство предстает как держатель реальной власти, способный использовать ее как во вред, так и на благо общества. Теория ограниченного государства, созданная с целью поисков ограничения властных возможностей государства, недопущения деспотического, произвольного осуществления власти, является политической теорией. Смысл ее заключается в защите права от государства, поскольку историческое право гражданского общества, частное право, развивается вместе с обществом, независимо от воли политических властей; и именно в частном праве реализуются именно ему присущие принципы свободы и равенства, которые лишь постепенно переносятся в политическую сферу, сферу публичного права.

В Новое время идея гражданского общества становится одной из центральных политико-правовых концепций, в разработке которой приняли участие многие выдающиеся мыслители. В различных странах процесс складывания этих концепций шел по-разному и с разной степенью интенсивности. Ф. Хайек выделяет два направления в истории политической мысли Нового времени:

английское и французское. Первое – эмпирическое и несистематизированное, второе – умозрительное и рационалистическое; первое основано на интерпретации традиций и институтов, второе поглощено конструированием утопий. Французские просветители пытались обеспечить свободу с помощью лучшей организации государственной власти, что с английской точки зрения означало искать свободу там, где ее никогда не было. Для французов главное не само государственное вмешательство в жизнь общества, а тот, кто его осуществляет; для англичан государственное вмешательство плохо само по себе, оно есть необходимое зло, которое важно ограничить до максимально возможных пределов. Английское понимание свободы олицетворяли юристы, французское – философы [9].

Оба эти направления легли в основу мировоззрения, характерными чертами которого были, с одной стороны, культ рациональной государственной власти, а с другой – стремление к обоснованию контрактной (основанной на договоре) модели общества, в котором формально равные субъекты обладали бы определенными правами и были свободны от государственного вмешательства. Легко заметить противоречивость этого просветительского идеала: идея разумного законодательства, которой бы руководствовался просвещенный абсолютизм, неизбежно приводила к мысли о полной рационализации общественной жизни, тогда как идея естественных прав личности, на которую ориентировался либерализм, существенно ограничивала сферу государственного вмешательства. Тем не менее, в конкретных исторических условиях эти две разные идеи – идея разумного законодательства и идея неотъемлемых прав личности – составляли как бы одно мировоззрение, сосредоточенное на привнесении в общество права и поэтому удачно названное “правовым мировоззрением” [10].

В 1679 году в политической и правовой истории Англии произошло важное событие – парламентом был принят законодательный акт, получивший название Хабеас корпус акт (Habeas corpus act).

Появление этого правового документа следует увязывать с результатами выборов в английский парламент 1679 года, когда победу одержали оппозиционные партии. Либеральная оппозиция стремилась ослабить абсолютизм королевской власти, обеспечить свободу собственной деятельности.

Суть Habeas corpus такова. Всякий, кто арестован без письменного предварительного распоряжения судебной власти и без указания причин ареста, вправе обратиться к суду с требованием, чтобы его доставили к судье для допроса и обоснования ареста. Такое требование может быть предъявлено не только самим арестованным, но и любым другим лицом. Во исполнение распоряжения судьи начальник места заключения обязан предоставить суду письменное объяснение причин ареста; арестованный подлежит доставке в суд в кратчайший срок; арестованный не может быть переведен из тюрьмы одного графства в другую, в случае маловажного проступка заключенный должен быть отпущен на поруки, а в случае более важного преступления – не должен слишком долго ждать суда.

Habeas corpus акт традиционно и во всем мире трактуется не изолированно, а с точки зрения истории личной свободы, обеспечения неприкосновенности личности – как развитие положений Великой хартии вольностей 1215 года.

Авторы выпущенного в 1905 году сборника статей, посвященного характеристике конституционного государства, трактовали Habeas corpus не столько как источник уголовного права, сколько права конституционного. Обращалось внимание на то обстоятельство, что хотя ни в Habeas corpus, ни тем более в Великой хартии вольностей нет слов “права человека и гражданина” речь по существу шла об одном из важнейших такого рода прав.

Содержащиеся в приведенных документах нормы, ограничивающие произвол со стороны власти и закрепляющие определенные гарантии личной свободы сыграли огромную роль в политической жизни Англии. Для нас важно то, что именно в этой стране появилась либеральная политическая теория, имевшая

в своей основе реальную правовую практику. Как бы не оценивать приведенные документы, нельзя не признать, что их авторы стояли на позициях примата гражданского общества и прав человека. Это были первоисточники, из которых вышли не только американская и французская Декларации прав, но и некоторые фундаментальные принципы, ограничивающие вмешательство государственной власти в дела общества и индивида [11].

Новое время и эпоха Просвещения – это период не только появления теорий гражданского общества, правления права и ограниченного государства, но и реализации ключевых положений этих теорий на практике. Впервые в истории было целенаправленно создано государство, основанное на верховенстве права.

В 1776 году была принята Декларация независимости, а в 1787 году – Конституция Соединенных Штатов Америки. Именно в этих документах были сформулированы основы правления права. Суть их заключается в том, что правительственные решения должны быть основаны на согласии народа и действовать через структуры и процедуры, разработанные для предупреждения индивидуальных притеснений или государственной тирании, защищающие фундаментальные права и свободы и являющиеся объектом оценки независимыми судами, выносящими приговоры, основанные на законах. Основные принципы правления права таковы:

- правительство народа, управляемое народом и существующее для народа;
- разделение властей и принципы взаимосвязи между законодательной, исполнительной и судебной властями;
- представительная демократия, процедурные и существенные ограничения в отношении правительственных действий, направленных против частных лиц (защита личной свободы и личного достоинства);
- ограниченное правительство и федерализм;
- судебное разбирательство независимой системой судебных

органов как центральный механизм проведения конституционных законов в жизнь [12].

В Соединенных Штатах было реализовано понимание конституционного государства как государства максимально ограниченного. “Ограниченное (конституционное) государство есть ...социально-политический и юридический феномен, смысл которого состоит в обеспечении свободы, понимаемой как свобода от вмешательства в частную жизнь, как свобода меньшинства от большинства. Гарантом такого положения должна являться писаная конституция, фиксирующая компетенцию государственных органов и стоящая над ними, поскольку принята она специально созданным для этого органом и требует особого порядка изменения, а также конституционное закрепление разделения властей и системы сдержек и противовесов” [13]. Таким образом, в государстве мы видим ассоциацию, сущностно тождественную другим ассоциациям, но возвышающуюся над ними и охватывающую их, общая цель которой состоит лишь в особой задаче отграничивать и упорядочивать общественно-действенные силы, то есть состоит в специфической функции права.

Американский опыт ценен тем, что при создании ограниченного государства учитывались интересы гражданского общества не в теории, а на практике, ценились не отвлеченное теоретизирование, а практицизм высказываемых идей, их реализуемость, не объяснение того, что есть свобода, а создание эффективного механизма ее обеспечения.

Философская революция, которая происходила в Германии и выразилась в последовательной смене систем Фихте, Шеллинга и Гегеля, была качественно новым этапом в развитии наук об обществе. Новым явилось то, что общественное развитие выводилось из противоречия и отрицались общность, универсальность и неизменность таких умозрительных построений прошлого, как естественное право, общественный договор, государство. Эти категории лишались постоянного социального содержания. Актуальной задачей становится поиск фундаментальных законов развития современного общества.

Наиболее развитое учение о гражданском обществе мы находим у Гегеля. То, что Гегель называет “гражданским обществом” – это по своим основным характеристикам общество владетелей собственности, которые, несмотря на религиозные, расовые, политические различия, равны перед законом, и которым – в соответствии с общим для всех законом – разрешено преследовать личные интересы, и которые свободны выбирать карьеру, профессию, занятие по найму, место проживания или работы. Идея общества равных индивидов, в качестве собственников взаимодействующих на рынке в соответствии с общим для всех законом, не только предполагает, что эти индивиды морально признают друг друга свободными и равными, но и предполагает также существование политических и юридических институтов, защищающих права этих индивидов. Гражданское общество – сфера реализации особенных, частных целей и интересов. На стадии гражданского общества, по схеме Гегеля, стихия столкновения частных интересов ограничивается внешним и случайным образом. Поэтому он отдает приоритет государству, настаивая на государственно-юридическом решении противоречий гражданского общества. По Гегелю, развитие гражданского общества уже предполагает наличие государства как его основания. Поэтому в действительности, подчеркивает он, государство вообще есть первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государственности распадается на два эти момента. “Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство; которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное... Если государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то имеют в виду лишь определение гражданского общества” [14].

Гегелевская идея гражданского общества рассматривалась как результат синтеза философии просветителей и освободи-

тельного движения в Германии 40-х годов прошлого века, как завершение романтического идеализма. Однако идеалистическое представление предполагало эмансипацию личности, несовместимую с ограничениями свободы, равенства и экономических прав как индивидов, так и социальных групп общества. В этом исходный пункт противопоставления общества и государства, а также рассмотрения гражданского общества как системы социальных классов с несовпадающими интересами. Отсюда берут начало идеи постгегельянцев, сделавших противоположные выводы из концепции Гегеля [15]. Одной из таких концепций является марксистская. Уже во введении к “Критике гегелевской философии права” Маркс обратил внимание на два принципиально важных момента прогрессивного развития общества. Во-первых, на процесс дифференциации эмансипации различных сфер общественной жизни, становление их как относительно самостоятельных, процесс, начавшийся на заре цивилизации и проходивший вместе с ее развитием. Во-вторых, на то, что гражданское общество не одноликое образование, а многоуровневая система, имеющая свои сферы и части с определенной соподчиненностью одних другим.

Вслед за Гегелем Маркс и Энгельс рассматривали гражданское общество как сферу материальной экономической жизнедеятельности людей. Но в отличие от Гегеля, который основой всего развития считал “мировой дух”, “абсолютную идею”, а к гражданскому обществу относился как к “инобытию” духа-идеи, Маркс и Энгельс показали, что именно гражданское общество составляет первооснову здания человеческого общежития, а жизнедеятельность гражданского общества есть главная движущая сила исторического прогресса, “истинный очаг и арена всей истории” [16]. Это общество представляет собой общественную организацию, развивающуюся непосредственно из производства и обращения, как “царство” или “совокупность” экономических производственных отношений, соответствующих производительным силам и образующих базис государства и всей остальной надстройки. Над